

ЭРИННА И ТРАГИКИ

У истоков литературного мифа о Эринне стоят эпиграмматисты Антологии III—I вв. до н.э. Асклепиад, Мелеагр, Антипатр наперебой расточают хвалы юной поэтессе, не скучаясь на самые лестные сравнения («триста ее стихов равны гомеровским», «насколько Сапфо превосходит Эринну в мелосе, настолько Эринна превосходит Сапфу в гексаметрах»)¹ и противопоставляя «малую песнь» (βαῖδον ἔπος — AP VII, 713) Эринны многословным творениям своих современников.² Биографические сведения, которые удается вычленить из этого потока словесный, крайне скучны, но звучат интригующе: девушка-затворница, которую суровая мать обрекла на сидение за прядкой и ткацким станком, сложила свой прославленный эпиллий в девятнадцать лет и вскоре после этого умерла, так и не выйдя замуж. Позднее автор словаря «Суда», воспринявший метафоры эпиграммы AP IX, 190 буквально, назвал Эринну «подругой и современницей Сапфо»;³ заманчивой версии о дружбе-соперничестве двух поэтесс отдали дань не только филологи,⁴ но и поэты нового времени.⁵

Впрочем, если фантастическая датировка «Суды» усилиями целого ряда ученых была отвергнута еще в минувшем столетии,⁶ то образ наивной девушки, слагавшей свои бесхитростные гексаметры за прядкой, в глухом уголке греческого мира, вплоть до последнего времени оказывал на исследователей Эринны определяющее влияние.⁷ Образ этот не померк даже после того, как в 1928 году группа итальянских археологов во главе с Эваристо Бреччей в ходе раскопок Оксиринха обнаружила фрагменты папирусного свитка с остатками 54 стихов поэмы «Прялка»⁸ — operis magni и, по-видимому, единственного сочинения Эринны.⁹

Дав новый толчок изучению творчества поэтессы, эта находка отнюдь не разрешила накопившихся проблем: время и место рождения Эринны, а также аутентичность заглавия

© В. В. Зельченко, 1997

ее поэмы до сих пор служат предметом полемики. Не имея возможности в рамках настоящей статьи обосновывать свой выбор, мы присоединяемся к абсолютному большинству ученых, считающих, вслед за сообщением Евсевия Памфила, временем акти¹⁰ Эринны середину IV в. до н.э.,¹⁰ а родиной поэтессы — дорийский остров Телос неподалеку от Родоса.¹¹

Сохранившиеся фрагменты Эринны носят трогательный характер.¹² Более точно жанр ее поэмы следует определять как γύος — особую разновидность погребальных причитаний, — исполнявшуюся, в отличие от трена и эпикдия, не профессиональным плакальщиком, а близкайшими родственниками умершего (чаще всего женщинами — женами, сестрами, матерями) и служившую выражению их собственной скорби.¹³ В плаче Эринны по Бавкиде,¹⁴ сверстнице и подруге, обнаруживаются все важнейшие элементы жанра: обращение к покойнику по имени (v.18, 30, 48, 54 папирусного фрагмента), наличие ретроспективного плана (картины безмятежного счастья двух подруг, их игр, будней и праздников — v.15—17, 21—27); описание скорби плакальщика, безрадостной жизни, ожидающей его отныне (v.18—20, 31—35); композиция, основанная на следующих одна за другою антитезах (о них речь пойдет чуть ниже); наконец, формульный реффрен-заплачка (v.18, 19, 31, 48, 54).

Спонтанный γύος, формой которого естественным образом служила устная импровизация, в отличие от других видов плачей не нашел себе места в ранней греческой лирике, оставаясь частью погребального ритуала и своеобразным жанром народного творчества. Тем не менее в литературу γύοι все-таки попали — в форме похоронных плачей, исполнявшихся героями эпоса и трагедии. Знаменитые γύοι «Илиады» (T 287—300, X 431—436, 477—514, Ω 725—775)¹⁵ надолго послужили образцом для других произведений подобного рода; развитие трагического γύος традиционно соотносится с именем Еврипода.¹⁶

Таким образом, в дискуссии о «спонтанном и наивном» или, напротив, «продуманном и изощренном»¹⁷ характере творчества Эринны важное место занимает вопрос об источниках ее гексаметрического плача. Ориентировалась ли

поэтессы на подлинные обрядовые γύοι¹⁸ или же на высокие литературные образцы?

Многочисленные гомеровские заимствования в языке и образной системе «Прялки» были отмечены уже Джероламо Вителли в комментариях к editio princeps,¹⁹ в 1982 году американская исследовательница М. Б. Скиннер указала, что мы имеем дело с прямой имитацией γύοι героинь «Илиады», сопровождающейся существенной перестановкой акцентов.²⁰

Сопоставление поэмы Эринны с плачами греческой трагедии не дает столь же ощутимых результатов. Несмотря на то, что такие попытки предпринимались учеными дважды, тезисы о языковых параллелях между Эринной и Эсхилом (Х. Вара Донадо), а также Еврипидом (Л. А. Стелла) остались фактически необоснованными.²¹ Тем не менее нам кажется плодотворным путь первого из названных авторов, находящего следы влияния трагического стиля в использовании Эринной антitezы. Контраст счастливого прошлого и горестного настоящего является, как мы видели, необходимым мотивом уже фольклорного γύος; в «Прялке», однако — об этом позволяют с уверенностью судить даже уцелевшие disiecta membra, — перед нами предстает виртуозно выстроенная система противопоставлений, следы которой различимы на всех уровнях вплоть до звуковой организации текста. Едва ли не каждый образ в сохранившихся фрагментах поэмы несет двойную нагрузку: так, рассказ о том, как девочки инсценировали свадьбу кукол (v.21—22),²² соотносится с «настоящей» свадьбой Бавкиды, после которой она «забыла все» (πάντ' ἐλέλασσο, v.28) о детских играх и дружбе с Эринной; сама свадьба, в свою очередь, ассоциируется с похоронами — Эринна как бы теряет подругу дважды; в самом заглавии поэмы был, по-видимому, заключен двойной смысл.²³ Вот еще несколько более частных примеров:

- αἰ]αῖ (v.16) — возглас девочки, убегающей от подруги во время игры «в черепаху» / αἰαῖ (v.54) — крик плачальщицы;
- τα]ῦτά το (v.18) / τα]ῦτά μοι (v.19);
- παιχνίδια, θέρμη ἔτι (v.19,20) / ἀνθρακες ἥδη (v.20);
- γήραος ἄνθεα (v.46) — оксюморон;
- π]άνθ' ἐνός (v.53) — оксюморон.²⁴

Своего рода образцом антитетической композиции предстает эпитафия той же Бавкиде, дошедшая в Антологии под именем Эринны (AP VII, 712 = Peek 1910, 1—8):

Я — могила Бавкиды, невесты. К слезами омытой
Стеле приблизившись, так, путник, Аиду скажи:
“Знать, ты завистлив, Аид!” — и прекрасное это надгробье,
Странник, расскажет тебе злую Бавкиды судьбу.
Факелом свадебным тем, что светить Гименею был должен,
Свекру зажечь привелось ей погребальный костер,
И суждено, Гименей, перейти было звукам веселым
Свадебных песен твоих в грустный напев похорон

(перевод Л.В.Блуменау, с нашими уточнениями).²⁵

Авторство поэтессы в этом случае, как и в двух других (AP VII, 710 — еще одна эпитафия Бавкиде, AP VI, 352 — посвятительная эпиграмма), вызывает серьезные сомнения. В языке «Прялки» и трех эпиграмм, в Антологии приписанных Эринне, наблюдаются существенные различия: последний стоит гораздо ближе к литературному дорийскому, в то время как доризмы папирусного фрагмента отражают, по-видимому, родной диалект телосской поэтессы.²⁶ Полемизируя с У. Виламовицем и В. Пеком, считавшими AP VII, 710 и 712 подлинными эпитафиями, М. Л. Вест высказал еще один весомый аргумент: надпись на могиле Бавкиды должна была бы включать имена ее мужа и свекра, поставивших памятник, а отнюдь не имя «подруги» Эринны (AP VII, 710, 7—8).²⁷ Тем не менее цитированная эпиграмма написана «по мотивам» «Прялки» и, являясь своеобразным конспектом поэмы, заслуживает внимательного рассмотрения. Уже Вителли сопоставил ее со строками 48—54 папируса, от которых сохранились только две-три начальные стопы:

49. ἀν φλόγα μιν π[
50. φρυγᾶς ἀοίσα ὁ [
51. ὁ πολλὰν Ὑμέν[αιε
52. π]ολλὰ δ̄ ἐπιψω[
53. π]άνθ' ἐνός, ὁ Ὑμ[έναιε
54. αἰαῖ Βαβκι τάλαιν[α²⁸

На связь с эпиграммой указывают упоминание о пламени факела или костра (φλόξ), а также двукратное обращение к Гименею, за которым следует заплачка. Загадочную строку

50 пытались толковать по-разному: по мнению Вителли, речь идет о Кербере, по мнению Эриха Бете, — о сворах Гекаты. Итак, интересующие нас противопоставления «брачный факел — погребальный факел» и «эпиталамий — похоронная песня», лежащие в основе эпиграммы, находят соответствие и в папирусном тексте.

Этим образом в античной литературе была суждена долгая жизнь. Т. Сепеши, посвятивший им специальное исследование, указывает на целый ряд параллельных эпиграмм Антологии (прежде всего AP VII, 711 — Антипатр Сидонский; VII, 182 — Мелеагр; VII, 186 — Филипп; VII, 188 — Антоний Талл и IX, 245 — Антифан),²⁹ а также сходные пассажи у Гелиодора (II, 29, 4 — рассказ Харикла о судьбе дочери, тоже погибшей в день брака) и Апулея (Meth. IV, 33, 4 — 34, 1: описание свадьбы Психеи с неведомым женихом, на которую ее родня идет рыдая, словно на похороны).³⁰ Справедливо отмечая, что само по себе сопоставление свадьбы и смерти в античной литературе традиционно еще со времен Эсхила, венгерский ученый указывает на ряд характерных черт в трактовке этого мотива (упоминание о двух факелах, а также о брачных песнях, переходящих в похоронные; композиция, основанная на череде антitez) и, вслед за своими предшественниками, считает их новацией Эринны.

Нам хотелось бы оспорить это утверждение при помощи любопытной параллели из Еврипида. В «Троянках» (v.308—352) среди общего плача по погившему граду внезапно появляется Кассандра, распевающая знаменитый эпиталамий (ср. двукратное обращение к Гименею в стихах 51 и 53 папируса, а также в приведенной выше эпиграмме). Невзирая на слезы матери, она зажигает брачный факел для своей свадьбы:

319 sqq. ἐγὼ δέ ἐπὶ γάμοις ἐμοῖς
ἀναφλέγω πυρὸς φῶς
ἐς αὐγάν, ἐς αἴγλαν,
διδοῦσ', ώ 'Υμέναιε, σοί,
διδοῦσ', ώ 'Εκάτη, φάος,
παρθένων ἐπὶ λέκτροις
ἡ νόμος ἔχει.

В центре приведенного отрывка — противопоставление Гименея и Гекаты, усиленное анафорой и синтаксическим параллелизмом.³¹ Отвечая Кассандре, Гекуба также использует образ свадебного факела: следует ее обращение к Гефесту (v.343—345):

Ἡφαιστε, δαδουχεῖς μὲν ἐν γάμοις βροτῶν,
ἀτὰρ λυγράν γε τήνδ' ἀναβύσσεις φλόγα
ἔξω τε μεγάλων ἐλπίδων.

Словосочетание λυγρά φλόξ (в Палатинском кодексе «Троянок» — πικρά), очевидно, содержит намек на похоронный факел — еще одно, помимо обращения к Гименею и гипотетического упоминания Гекаты, совпадение с текстом папирусного фрагмента «Прялки».

Следует также отметить, что рассматриваемый мотив у Еврипида и Эринны едва ли восходит к общему обрядовому источнику. В самом деле, сопоставление двух факелов в «Прялке» целиком диктуется сюжетной ситуацией, не имеющей ничего общего с оплакиванием девушки, умершей в день свадьбы, и вообще настолько необычной, что в ритуале для нее просто-напросто не находится места.

Указанная параллель отнюдь не является единственной. Образ эпиталамия, переходящего в плач по покойнику, можно считать для трагической поэзии традиционным: см., напр., Aesch. Prom. V. 555—560; Agam. 707—711; Eur. Alc. 922—923; Hipp. 551—555; Iph. Aul. 1036—1097. В последнем примере, как и у Эринны, превращение свадебной песни в похоронную происходит на глазах у зрителя / читателя: после пространного эпиталамия, описывающего свадьбу Пелея и Фетиды (строфа и антистрофа), в эподе хор неожиданно обращается к Ифигении, при помоziи ряда антitez предрекая ей смерть вместо брака.

Подведем итоги. По мере исследования мы все дальше уходили от образа неискушенной поэтессы, слагавшей стихи за прялкой. Характерный для предэллинистической эпохи интерес к фольклору сочетается у Эринны с широким использованием предшествующей литературной традиции. В гексаметре «Прялки», а также в ее языке, образах и композиции ощутимо влияние плачей гомеровских героинь; сложная, тщательно продуманная система противопоставле-

ний (счастье—беда, свадьба—похороны), равно как и отдельные ее элементы (два факела, эпиталами и похоронная песня), отсылает к искусству трагиков, и прежде всего Еврипида — отца драматического $\gamma\delta\sigma$. При ближайшем рассмотрении ритуальные элементы в «Прялке» оказываются искусственной имитацией: свои представления о фольклорном плаче поэтесса черпает не из гипотетических телоских обрядовых $\gamma\delta\sigma$, а из соответствующих мест «Илиады» и трагедий.³²

Примечания

¹ AP IX, 190.

² См.: AP VII, 11 (Асклепиад; по всей видимости, предисловие к изданию поэмы Эринны); VII, 13 (приписана Леониду Тарентскому или Мелеагру); VII, 713 (Антипатр Сидонский); IV, 1, 12 («Венок» Мелеагра); VII, 12; IX, 190 (анонимы). Ср., кроме того, AP XI, 322, 3 (Антифант); IX, 26, 4—5 (Антипатр Фессалонийский; перечень поэтесс); II, 108—110 (Христодор Коптийский; описание статуи Эринны в термах Зевксиппа в Константино-поле).

³ S. v. "Hrīnna. Аналогичное сообщение находим у Евстафия Солунского в схолиях к «Илиаде» (ad B, 711); много ранее Татиан (Adv. Graec. 33) называет Эринну лесбосской поэтессой. Оценку свидетельства «Суды» см.: Crusius O. Erinna // Pauly—Wissowa's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1907. Bd VI, 1. Sp.457—458.

⁴ См. об этом: Чистякова Н. А. Греческая поэтесса Эринна // Вопросы античной литературы и классической филологии. [М., 1966]. С.223—224; там же в примечаниях — список литературы.

⁵ Укажем на стихотворения «К Эринне» Александра Пути, «Эринна—Сапфо» Эдуарда Мерике, «Эринна» Теодора де Банвиля, а также на идилю Ю. Н. Верховского «Эринна», посвященную Ахматовой (Верховский Ю. Стихотворения. Том первый. М., 1917. С.59—60).

⁶ Первенство здесь, по всей видимости, принадлежит работе: Richter F. W. Sappho und Erinnna. Quedlinburg; Leipzig, 1833.

⁷ Именно в таких тонах выдержанна характеристика Эринны в труде У. фон Виламовица-Меллендорфа «Эллинистическая поэзия в эпоху Каллимаха» (Williamowitz-Moellendorff U. von. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Berlin, 1924. Bd I. S.109. Ann. 2. В результате lapsus calami Виламовиц даже преуменышает возраст Эринны, именуя ее семнадцатилетней поэтессой (Ibid.). Тенденция рассматривать поэму Эринны как своего рода «человеческий документ» присуща работам 20—50-х годов (A. Керте, С. М. Баура, П. Коллар; соответствующие цитаты подобраны в ст.; Arthur M. B. The Tortoise and the mirror: Erinnna PSI 1090 // Classical World. 1980. Vol.74. P.54, n.9).

⁸ Папирус впервые опубликован Джероламо Вителли при участии Медеи Норса: Bulletin de la Société Royale Archéologique d'Alexandrie. 1924. № 24.

N.s. 7, 1; Vitelli G. Frammenti della Conocchia di Erinnna // Papiri della Società Italiana. Firenze, 1929. Vol.IX. P.137—144 с tav. IV (с уточнениями). Библиография переизданий текста, а также отдельных дополнений и конъектур насчитывает более двадцати наименований; среди них прежде всего следует выделить публикацию Х. Ллойд-Джонса и П. Парсонса (Supplementum Hellenisticum. Berlin; New York, 1983. P.186—193), заново обследовавших папирус. В дальнейшем текст «Прялки» цитируется по этому изданию.

⁹ Заглавие Ἡλακάτη (строго говоря, «Пряслица», а не «Прялка»; возможен также вариант «Веретено» — именно такое значение слова у Гомера постулирует Р. Б. Онайанс (см.: Onians R. B. In the Knees of the Gods // Classical Review. 1924. Vol.56. P.6; cp.: Lexicon Homericum / Ed. H. Ebeling. Lipsiae, 1885 (репринт Hildesheim; Zürich; New York, 1987). Vol.I, s.v.: «Colus, al. fucus; sunt haec simillima atque vix discerni quaeant»)) сохранил автор «Суды» (Ibid.). Дискуссия о принадлежности найденного отрывка «Прялке», а также о аутентичности заглавия суммирована в ст.: Samer-A. and Av. Erinnna's Distaff // Classical Quarterly. 1969. Vol.19. P.285—288.

¹⁰ Hieronymi Chron., s. CVII Olymp. (352—349 гг. до н.э.) В армянской версии хроники Евсевия названа предыдущая, 106-я олимпиада.

¹¹ Введением в комплекс проблем, связанных с поэмой, служит обзорная статья: Levin D. N. Quaestiones Erinnianae // Harvard Studies in Classical Philology. 1962. Vol.66. P.193—204; см. также: Scholz U. W. Erinnna // Antike und Abendland. 1973. Bd 18. S.15—40; West M. L. Erinnna // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. Bd 25. S.95—119. Вопросам хронологии Эринны посвящена статья: Vara Donado J. Cronología de Erinnna // Emerita. 1973. Vol.41. P.349—376; сам Вара Донадо, впрочем, склоняется к куда более ранней дате. Библиографии работ о папирусе: Levin D. N. Quaestiones Erinnianae. P.201; Pack A. R. The Greek and Latin Literary Texts from Greco-Roman Egypt: 2 ed. Ann Arbor, [1965]. № 365.

¹² Единственное исключение — два стиха о помилке (рыба-лощман), сохранившиеся у Афинея (VII, 283d); этим фрагментом у нас занимался А. В. Болдырев (см.: Болдырев А. В. Из истории античных поэтических наставий // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1940. № 63. Серия филолог. наук. Вып.7. С.110—111). В дискуссии о принадлежности этих строк «Прялке» мы полностью присоединяемся к мнению Дж. Раука (Erinnna's Distaff and Sappho fr.94 // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1989. Vol.30. P.102—107).

¹³ О плаче — $\gamma\delta\sigma$ см.: Reiner E. Die rituelle Totenklage der Griechen. Stuttgart; Berlin, 1938; Vermeule E. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley; Los Angeles; New York, 1979. P.15—16 and n.20; применительно к поэме Эринны — Skinner M. B. Briseis, the Trojan Women, and Erinnna // Classical World. 1982. Vol.75. P.265—272.

¹⁴ Две эпиграфии Бавкиде, автором которых в Антологии названа Эринна (AP VII, 710; 712 = Peck 1910), помогают прояснить ситуацию: Бавкida покинула родной остров ради замужества и умерла на чужбине вскоре после свадьбы или незадолго до нее (см.: Williamowitz-Moellendorff U. von. Sappho und Simonides. Berlin, 1913. S.230; Luck G. Die Dichterinnen der griechischen Anthologie // Museum Helveticum. 1954. Bd 11. S.171).

¹⁵ О них см.: Petersmann G. Die monologische Totenklage der Ilias // Rheinisches Museum. 1973. Bd 116. S.3—16. — Для нас важен основной вывод Г. Петерсмана, показывающего, насколько существенно отклоняются похоронные плачи в «Илиаде» от фольклорных убои.

¹⁶ Zabłocki S. De antiquorum epicediis // Eos. 1966. T.56. S.296—297.

¹⁷ Последняя точка зрения была впервые аргументирована У. В. Шольцем (Scholz U. W. Erinna. S.39). Наиболее радикальным ее представителем является М. Л. Вест, считающий «Прялку» мистификацией утонченных поэтов косского кружка. Работа Веста содержит множество ценных наблюдений о связи Эринны с традициями эллинизма, однако его аргументация в основном сводится к фразам типа: «В реальной жизни неискушенные девушки-подростки не пишут отшлифованными гексаметрами стихи, сразу входящие в золотой фонд национальной поэзии» (West M. L. Erinna. P.116); как и его оппоненты, Вест находится в плену у полулегендарной биографической традиции.

¹⁸ Чистякова Н. А. К вопросу о становлении эллинистической эпиграммы: Поззия Эринны // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1970. T.18. P. 275.

¹⁹ Упомянем также незаслуженно забытую работу Л. А. Стелла: Stella L. A. Intorno ai nuovi frammenti di Erinna // Rendiconti dell'Istituto Lombardo di scienze e lettere. 1929. Ser. 2. Vol. 62. P. 827—838. Указывая на переклички папирусного фрагмента с плачами у Гомера и Еврипида, мелосом Санфо, а также идиллиями Феокрита, Стелла еще в 1929 году очерчивает круг авторов, с которыми будут сопоставлять Эринну все последующие исследователи.

²⁰ Skinner M. B. Briseis...; в поддержку М. Б. Скиннер перечислим другие примеры «эрничего», т.е. творческого заимствования гомеровских словоформ и выражений в «Прялке». Так, вместо эпического χόρτος ωλής (Λ 774, Ω 640) Эринна употребляет уникальный диминутив χορτίον (v.17); όποια в стихе 27 означает не 'взгляд' или 'зрение', как у Гомера (resp. γ 57 и θ 512), а 'вид, облик' (после Эринны — только у Нонна Панополитанского, Dion. II, 60 et al.); наконец, гомеровское μέγιστη в контексте 16 стиха папируса обрастает едва ли не пародийные коннотации: в «Илиаде» (Φ 328) «громко кричит» Гера, напуганная опасностью, грозящей Ахиллу в водах Скамандра; в «Прялке» — девочка, убегающая от подруги Ахиллу во время веселой игры. Последний пример особению схож с употреблением гомеризмов в идиллиях Феокрита.

²¹ Stella L. A. Intorno a nuovi frammenti... P.832; Vara Donado J. 1) Cronología... P.368—373; 2) Notas sobre Erina <sic> // Estudios Clásicos. 1972. Vol.16. № 65. P.83—86. — Все примеры Вара Донадо взяты из эпиграмм Эринны, подлинность которых споривается; единственное обращение к тексту папируса основано на неверном чтении Аккиле Вольяно ήχια κεῖται в стихе 19; еще в 1953 г. Курт Латте отверг его в пользу παίχνια κεῖται.

²² Мы следуем толкованию строк 21—22, предложенному Дж. М. Эдмондсон (Edmonds J. M. Erinna PSI 1090 // Mnemosyne. 1938. 3 series. Vol.6. P.195—203); в самом деле, соседство слов θάλαμος и νύμφη, каждое из которых может относиться к свадебной лексике, едва ли случайно.

²³ См.: Cameron A. and Av. Erinna's Distaff; Vara Donado J. Cronología... P.351; Arthur M.B. The Tortoise and the mirror.

²⁴ Второй и пятый из приведенных примеров были ранее отмечены Вара Донадо (Cronología... P.371).

²⁵ О текстологии эпиграммы см.: The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams / Ed. by A.S.F.Gow and D.L.Page. Cambridge, 1965. Vol.2: Commentary. P.674—675; Giangrande G. An epigram of Erinna // Classical Review. 1969. New series. Vol.19. P.1—3; Vara Donado J. Obra de Erinna y algunas reconstrucciones textuales // Habis. 1973. Vol.4. P.78—79.

²⁶ Доризмы в эпиграммах Эринны проанализированы в ст.: Чистякова Н. А. К вопросу о становлении... С.276—277; тем не менее Н.А. Чистякова считает все эпиграммы подлинными. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим не находящую аналогию форму Βακώ в четвертом стихе разбираемой эпиграммы (в «Прялке» — только Βακίς), а также невозможное у Эринны причастие εύσα (AP VII, 710, 5; во 2-й строке папируса — εύσισ[α]ς; там же, 18, 31, 48 — другие примеры эолийских причастий на -οίσα и -είσα. В том, что такие формы в эпиграммах в принципе допустимы, убеждает хотя бы AP VII, 649, 3 (Анита)). Подлинность эпиграмм Эринны впервые подверг сомнению Р. Рейценштайн (Reitzenstein R. Epigramm und Skolion. Berlin, 1906. S.143).

²⁷ West M.L. Erinna. P.115.

²⁸ Вокативы в стихах 51—53 дополнены Паулем Маасом; все остальные дополнения принадлежат Вителли.

²⁹ Szepessy T. The story of the girl who died in the day of her wedding // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T.20. P.341—357. — О бытовании этого мотива в греческой эпиграмме, помимо указанных Сепеши работ, см.: Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, 1942. P.192—194; Greissmaier E. Das Motiv der mors immatura in den griechischen metrischen Inschriften. Innsbruck, 1967. S.72 (нам недоступно).

³⁰ В римской литературе Сепеши указывает на Ovid. Her. VI, 45—46; Ps.-Sen. Oct. 24—25; Apul. Flor. 16, 18; Дж. Джанграде (Giangrande G. An epigram of Erinna. P.2) — на Prop. IV, 11, 46. Более спорна параллель С. М. Бауры (Bowra C. M. Orpheus und Eurydice // Classical Quarterly. 1952. New series. Vol.2. P.114) — свадьба и смерть Евридики в «Метаморфозах» Овидия. Большой популярностью пользовался этот мотив у scriptores erotici: помимо указанного выше места из «Эфиопики» см. Ach. Tat. I, 13, 5—6, а также Musaeus 307—308 (остроумная вариация на тему двух факелов). Автор «Повести о Исминии и Исимине» Евматий Макремволит (XII в.) обращается к нему (Ewmat. VI, 10), по всей видимости, под влиянием Гелиодора (эта реминисценция не отмечена С. В. Поляковой в ее скрупулезном сопоставлении двух романов; см.: Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979. С.80—81). Впрочем, пассаж Евматия заслуживает особого внимания: сопоставляя свадьбу и похороны, безутешная мать Исмины вспоминает поговорку «сокровище стало угольями» (ἀνθρακες εύρισκο τοὺς θησαυρούς;ср. Suid., s.v. ἀνθρακες). Это прямая цитата из «Прялки»:

... τὴν [α δὲ πρὶν ποκ’ α] θύρομες ἀνθρακες ηδη
(v.20 папируса; дополнения — Maas, Bowra).

Наконец, позднее эхо этого мотива находим в «Ромео и Джульетте» (IV, 5).

³¹ Мы никак не можем согласиться с комментаторами, считающими (вслед за схолиастом), что Геката появляется в эпиламии рядом с Гименеем как покровительница рождени, отождествлявшаяся с Артемидой (см., напр.: Euripide. Troyennes / Texte établi et traduit par L. Parmentier // Œuvres. Paris, 1925. T.4. P.42 (Collection Budé; 9-me tirage — 1990)). В своем труде о Гекате Теодор Краус прямо утверждает, что эта богиня «не имеет никакого отношения к свадьбе» и советует интерпретаторам данной сцены не упускать из виду ее «мрачно-безысходный характер» и всю необычность эпиламии Кассандры (К г а и з Т. Некате. Heidelberg, 1960. S.88—89). В самом деле, смысл здесь, кажется, иной — Кассандра провидит скорую гибель Агамемнона и ликует, что будет отмщена. Мотив брака, несущего смерть, вообще традиционен для пророчеств Кассандры; ср. Aesch. Agam. 1156—7: *ιῷ γάροι γάροι Πάριδος / ὀλέθριοι φίλοιν*, и др. См.: Lebeck A. Oresteia. [Cambridge (Maas.)], 1971. P.68—73.

³² В основу статьи лег доклад, прочитанный на заседании СНО кафедры классической филологии СПбГУ весной 1994 г. Автор благодарит проф. Н.А.Чистякову за поддержку, оказанную при написании работы, во многом полемизирующей с ее собственными научными взглядами.